

УДК 81'22'28'373.22: 582.28

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОПИСАНИЯ НАРОДНОЙ МИКОНИМИКИ¹

Людмила Анатольевна Пермякова

аспирант кафедры общего языкознания

Пермский государственный педагогический университет

614096, Пермь, ул. Сибирская, 24. laperm17@yandex.ru

Иван Алексеевич Подюков

д. филол. н., профессор кафедры общего языкознания

Пермский государственный педагогический университет

614096, Пермь ул. Сибирская, 24. podjukov@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности образности и мотивированность диалектных названий грибов. Исследуется соотносительность миконимов с общекультурными семиотическими кодами (цветовым, зоонимическим, антропонимическим, этническим и др.). Дается анализ оценочного переосмысления грибных номинаций, причин их вхождения в состав характеристических средств языка. Делаются выводы о мифопоэтической коннотированности народных миконимов, об их участии в выражении символического образа природы.

Ключевые слова: семиотическая группа; культурно-мифологическая коннотация; диалектная миконимическая лексика; функции слов-миконимов.

Миконимика в лексико-семантической системе национального языка является значительной по объему группой названий, входящих в состав народного словаря лексики природы. Часть народных миконимов может быть рассмотрена как отражение культурно-символических кодов, с помощью которых в языке выражается символический образ природы. Прежде всего, это касается образных номинаций, имеющих нередко свойства когнитивных метафор и характеризующихся интерпретационной, «объяснительной» семантикой.

Современная лингвосомиотика рассматривает язык во взаимодействии и в сопоставлении с другими семиотическими системами (особенностями восприятия, поведения человека, с социальными стереотипами), язык при этом понимается как источник информации о традиционной духовной культуре народа. Семиотический анализ миконимов как культурных знаков, который может быть осуществлен прежде всего в широком культурно-языковом контексте, заключается в выявлении группировок названий, которые отражают действие того или иного культурного кода (цветового, антропонимического, зоонимического, орнитоморфного, этнического и пр.). При этом учитываются особенности внутренней

формы миконима (в том числе и его этимологических характеристик), выявляются причины его вхождения в состав фразеологических и пословично-поговорочных выражений, фольклорная символическая специфика².

Культурная семантика слова – «область надстраивающихся над лексикой прагматических, символических, культурных, энциклопедических и тому подобных созначений, актуализирующихся лишь в особых, периферийных, поэтических, метафорических и других непрямых употреблениях слова» [Толстой 1995: 289]. Примером культурной нагруженности миконима может быть немецкое название гриба-«трубача» *Craterellus cornucopioides* (Fr.) Pers. (Вороночник воронковидный, или трубкогриб роговидный, известен также под названием *серая лисичка*) *труба мертвых*. Использованный в названии образ передает внешний вид гриба (шляпкой черного цвета и расширяющейся ножкой он напоминает воронку), но одновременно название отражает общее представление о мифологической связи грибов с потусторонним миром (за многими культурными сюжетами о грибах типа чешского выражения *тогда ты еще ходил по грибы* в значении ‘тебя еще на свете не было’

скрыты универсалии мифопоэтического сознания – см. подробно: [Топоров 1979: 234–279]).

Согласно польским, украинским и русским поверьям *Видеть, собирать грибы во сне – к смерти*; по бытующей в Прикамье примете обильный урожай грибов – предвестник многих смертей: *Много грибов – много гробов*. Примета, несомненно, отразила сугубо мифологическое представление о грибе как об опасном растении, способном нести болезни и смерти (возможно, она указывает также и на то, что урожаи на грибы приходятся на дождливые теплые лета, когда происходят различные мутации грибов и даже съедобные грибы могут стать опасными). Другие приметы на обилие грибов оправданы вполне материально: *Колосится рожь, цветёт малина – пойдут грибы*; *В лесу много мошек – жди грибов*; *Много грибов – мало меду*. Последняя примета, в частности, возникла на основе выверенных народных наблюдений – в обильное на дожди лето плохой медосбор («трава постная», т. к. нектар смывается дождями).

Притом что во всей полноте мифологическая информация о грибах к настоящему времени не описана, языковые факты свидетельствуют о наделенности миконимов мифопоэтической семантикой. Грибы ассоциируются с темами «жизнь, смерть, плодородие», предстают во многом как воплощение хтонических сил земли. С одной стороны, они воспринимаются как опасные растения, способные нести болезни, смерть, измененные состояния сознания человека, а с другой – как природные объекты, воплощающие идеи начал жизни, плодородия. По мнению М.Надель-Червинской, мифологема «Грибы» имеет отношение к культу умерших предков, а для самой лексемы *гриб* и производных ее номинаций значима связь с деторождением и эросным началом (см.: [Nadel-Czerwinska 2002: 162–169]). Наглядной иллюстрацией повышенной мифологической коннотированности грибов является зафиксированная в Прикамье обрядовая паремия *гриб в дом – клоп вон*, свидетельствующая о защитительных функциях гриба (Дмитриевское Ильинск.); эти слова говорились, когда заходили в дом с собранными грибами. Аналогичный ритуал, как известно, осуществлялся и с первым нажатым снопом, размахивая которым, выгоняли из дома насекомых: *Первый сноп в дом, а клопы, тараканы – вон!*

Аномально большое количество грибов может ассоциироваться с «прорывом» в человеческую среду существ нижнего, потустороннего мира. Отсюда и разнообразные народные приметы на сон: *Большой гриб во сне – к страшной болезни, даже смерти / чем крупнее гриб видишь во сне,*

тем страшнее болезнь (Сретенское Ильинск.); *Пошто-то всю ночь грибы снились. Чё ли я заболелю* (Мазунино Кунг.). Приведенные материалы указывают на один из аспектов народного восприятия грибов: контакт с ними (даже во сне) соотносится с выводом человека из социума. Стоит заметить, что тема «Смерть» параллельно реализуется в символическом значении гриба и леса – сам «уход в лес», в Прикамье в частности, может ассоциироваться с небытием (отсюда пермск. *ёлки* ‘кладбище’, диалектные пермские фразеологизмы *уйти в лес, уйти под зелёную елину* ‘умереть’). Ассоциативно связаны с этой коннотированностью грибов и распространенные характеристики старого человека (*старый гриб, ровно старый гриб на болоте* ‘о состарившихся, лишившихся жизненных сил людях’, ср. также пск. *одряхнуть как гриб боровик* ‘одряхлеть, состариться’). Соотнесение гриба со старостью закреплено и во временной характеристике *на стары губы* ‘по старости, ’ (от *губы* ‘грибы’: *А как оно и чё делалось, я уж на стары губы не помню: свадьба токо и свадьба, песни пели да молодых разыгрывали* (Майдан Ос.).

Вполне мифологически, на наш взгляд, мотивировано название съедобного (хотя и малоценного) гриба *говорушка* (род шляпочных грибов семейства рядовковых, научное название – *опёнок летний*). Гриб получает название, связанное со словом *говорить* (по аналогии с *болтушка* ‘охотница поговорить’). Исходные этимологические характеристики миконима не вполне ясны: либо название обыгрывает воронкообразную форму шляпки (уподобляя ее раскрытому рту), либо трансформирует исходное название этого гриба *варушка* (для употребления этот гриб необходимо варить). Возможна также ассоциация данного гриба с темой говорения – вещания (он относится к самым ранним грибам, т.е. самым появлением «сообщает» о начале грибного сезона). Гриб не издаёт звуков, но в народных представлениях на «способность» его воздействовать на те или иные свойства человека указывает примета *Говорушку нельзя есть детям: долго говорить не научатся* (Караг.); ср. также *Гриб нельзя есть косноязычному и заике, поскольку гриб «закрывает речь и делает человека немым»* [Nadel-Czerwinska 2002: 165]). Отмеченная в названии ассоциация «мифической» зависимости речевых способностей человека от грибов фиксируется и в других паремиях. Так, способность излишне много, неконтролируемо говорить подмечает выражение *Ешь суп с грибами, да держи язык за зубами*. Об этом же, возможно, свидетельствует прикамская примета *Когда ищешь грибы, надо врать* (впрочем, вранье как магиче-

ская стимуляция успеха отмечается в массе других промысловых и профессиональных занятий – см.: [Толстая 1995: 109–115]).

Семиотический подход к интерпретации миконимов позволяет рассмотреть их совокупность как среду, в которой используются разные семиотические коды (иначе – способы упорядочения языковых знаков в определенную систему). Некоторые универсальные культурные коды относительно слабо представлены в миконимике. Единичны, например, обращения к названиям социального статуса человека. К ним можно отнести подчеркивающее ценность гриба соотношение его с представителем высшей власти – царём, королем, паном (*королевский гриб* ‘боровик’, *царский гриб* ‘белый груздь’ – пск., вологодск., ярославск. *пан* ‘белый гриб’, ср. также укр. *панна* ‘волнушка’). Народное восприятие *гриб – царь* отмечено в быличках и сказках о грибах. Так, в известном поверье о *Грибном царе* (в чем-то аналогичном легендам о *Царь-рыбе*) волшебный гриб исполняет желания нашедшего (предание отражено в романе Ю.Полякова «Грибной царь»), а сама мифологема, вынесенная в название произведения современного автора, призвана подчеркнуть надежду главного героя на чудо). Устойчивое соотношение гриба с *попом* (амурск., пермск. *красный поп* ‘подосиновик’, воронежск. *поп* ‘крупный гриб семейства шампиньоновых с распростертой в виде зонтика шляпкой’), на наш взгляд, является не только «смелой» народной метафорой. Одновременно оно актуализирует идею духовного чина как носителя сакральных сил (ср. *поп*, чаще *поповник* ‘растение ромашка’, также наделенное в народных представлениях сакральными, в том числе провидческими, способностями).

В миконимике также относительно слабо реализована тема отнесённости грибов к собственно демоническим персонажам – притом что в славянской народно-мифологической традиции грибы устойчиво соотносятся с нечистой силой. («Неопределенность представлений о мире грибов, о том, к какому – растительному или животному – миру они принадлежат, проявляется у славян в подчеркнутом отношении к грибам как явлению нечистому» [Коваль 1998: 24]). Демоним *черт* отмечен в названии *чертов*, или *сатанинский*, гриб, а также в названии гриба неизвестного вида *чертовы пальцы* [СРНГ 25: 169]). Сочетание *чёртовы пальцы* используется также как название растения стапелия (имеет пальцеобразные побеги) и как название отдельно стоящих скал. Как обрядовое данное сочетание используется для называния окаменелых природных моллюсков, активно применяемых в народ-

ной магии и врачевании (в аналогии, подчеркивающей энергетику камня, усматривается связь с молнией, поскольку так часто называют окаменелости, образовавшиеся вследствие удара молнии в песчаную почву).

В народной миконимике, как свидетельствуют данные русских говоров и речи грибников, выявляется несколько наиболее активно задействованных семиотических кодов – цветовой, антропонимический, зоонимический.

Цветовой код в миконимике

Цвет относится к универсальным семиотическим понятиям. Являясь отражением физических свойств объекта, цвет обеспечивает одно из важнейших сенсорных восприятий человека, получение дополнительной информации о состоянии и свойствах предметов окружающего мира. «Цветность» царства грибов полно отражена и в научной терминологии (ср. научные названия видов сыроежки: *сыроежка блестящая*, *буреющая*, *бордовая*, *оливковая*, *выцветающая*, *желтая*, *зеленоватая*, *золотисто-желтая*, *ломкая красная*, *ломкая фиолетовая*, *охристая*, *розовая*, *серая*, *сереющая*, *сине-желтая*, *синяя*). В народной номенклатуре грибов также представлена практически вся цветовая палитра, при этом символика цвета обычно включена в общие физические характеристики природного объекта. Так, *белым* гриб назван не только по внешнему виду (имеет белую мякоть, остается белым после сушки), за указанием на белый цвет одновременно скрыто выделение наиболее ценного гриба. В противоположность ему в идее бледности (*бледная поганка*) заключено указание на «нежизненность», опасность гриба. Бледный цвет (блеклый, тусклый, белый, бескровный, серый) хорошо известен как семиотический (симптоматический) признак цвета кожного покрова человека: бледность – обычно признак болезни, страдания. В прошлом этимологически родственные, слова *бледный* и *белый* семантически и символически разошлись, о чем свидетельствуют типичные языковые употребления *бледный как мертвец*, *мертвенно-бледный*, *бледный как смерть*. Белый цвет, напротив, сохраняет идеализирующий смысл (ср. в прикамской частушке, где слово *белый* является эпитетом к названию любимого: *Моему-то дроле белому прибавили красы, купили новую тальяночку, карманные часы*). В указанной оппозиции *белый гриб – бледная поганка* признак цвета является концептуальным, колористическая номинация служит не только для визуального различения объектов, но и для внесения оценочных смыслов.

Антропонимическая идея в миконимике

Представление грибов по аналогии с человеком наглядно отражено в их морфологических характеристиках. Грамматический род ряда миконимов позволяет разделить грибы на «мужские» и «женские» (в основном в связи с внешним видом шляпки – выпуклая или вогнутая). С одной стороны, это *боровик* ‘гриб белый, подосиновик или подберезовик’, *кульбик* ‘гриб валуй’, с другой – *лисичка*, *синявка*. Показательны также грамматические расхождения *желтяк* ‘жёлтый груздь’ – *желтушка* ‘лисичка’, *жёлтик* ‘масленок’ – *желтявка* ‘сыроежка’, *белыш* ‘белый гриб’, *беляк* ‘гриб груздь белого цвета’ – *белянка*, *белушка* ‘гриб волнушка с белой шляпкой’. Отметим, впрочем, что данная «сексуализация» грибов выражена непоследовательно (волнушка называется также *волвенец* и *волвеница*, *волжник* и *волвенка*, масленок – *масляк* и *маслуха*).

Отономастические миконимы не имеют, в отличие от фитонимов данного класса, сюжетно оформленных этимологических «версий» в виде легенд, мифов, поверий. Например, фиалка трехцветная названа *иван-да-марья* (почти всюду на севере, западе и юге России) [СРНГ 12: 54]. Название, как известно, отражает необычную окраску лепестков, которая соотносится и с мужским, и с женским началом. К отантропонимическим миконимам относятся названия *иванушко*, *ванюшка* ‘гриб моховик темно-бурый’, *дуньки* – ‘придорожные малоценные грибы сероватого цвета’, *матрёна* ‘лисичка’ (считается съедобной), *ерёма* ‘ложная лисичка’ и пр. Обычно номинация гриба осуществляется с помощью имени, воспринимаемого как устарелое, простонародное. Как указала В.А.Меркулова, «больше всего повезло свинушкам, их чаще других называют собственными именами» [Меркулова 1967: 183].

Оценка распространенного и одновременно малопривлекательного гриба (чаще всего моховика) *иванчик* (*ванюшка*, *иванушка*) строится на осмыслении имени *Иван* как высокочастотного в прошлом, как имени простоватого добряка (ср. в связи с этим аналогия *Иванов* – как *грибов поганых*, фольклорное *Иван-дурак*). Аналогично слово *иванушка* используется для характеристики кислого, слабого, не хмельного кваса (пермск.). Название ложной лисички *ерёма* также связано с символикой мужского имени (в поговорке *Я ему про Фому, а он про Ерёму*, например, имя воспринимается как характеристика того, что является неважным, ненужным). Название мелких, молодых рыжиков *гаврины губы* (Лямкино Караг.) соотносится с народным символическим

переосмыслением имени *Гавриил* (ср. *гаврик* ‘о простаке, малоуважаемом, маленьком ростом’, пермское как *Гавря* ‘о ведущем себя по-детски’: «*Распустил нюни-те, как Гавря*», – с укором говорят мужчине, который пасует перед трудностями и надувает губы (Ильинск.)).

Женские имена в миконимике более активны. Номинация малоценных, растущих кучно и длительное время грибов *дунька* (в других территориях *дуня*, *дуняха*, *дуняшка*; чаще всего так называют свинушки) строится на сохраняющейся за популярным в прошлом женским именем *Дуня* (форма имен *Евдокия*, *Авдотья*) коннотации простонародности (отсюда также названия *танятка*, *дарьюха* в том же значении). Кроме того, поскольку среди свинушек встречаются ядовитые и галлюциногенные виды, название могло «учесть» характерные для имени *Дуня* ассоциации с глупостью и странностью (что закреплено в выражениях как *Дуня* пермск. ‘о глупой’, волог. *Дуней ходить* – ‘о неприбранной, неопрятной’). Форма женского рода и выбор женских имён для гриба связаны, вероятно, с тем, что он имеет воронкообразную шляпку.

Имя *Матрёна* перенесено на гриб лисичка (Сретенское Ильинск.), на волнушки (свердл.), но чаще в говорах связано также с названием свинушки (*матрешка*, *матрёнина губа*, *матрёнин гриб* – ‘свинушка тонкая’). Поскольку среди свинушек нередко ядовитые грибы, возможна реализация в названии и негативного символического смысла имени (он очевиден, как указывает Меркулова, в семантически близком к названию гриба глаголе *разматрёнить* ‘сделать расслабленным’, а также ‘заболеть, дремать’ [Меркулова 1967: 184]). Показательно в этом плане устойчивое в Прикамье представление о лисичке как об «алкогольном грибе» (Юрла) и в связи с этим игнорирование его при сборе грибов.

Название разновидности рыжика *бабье ухо*, отличающегося аномальной формой (разросшаяся бесформенная мясистая шляпка), кроме сходства с частью тела, развивает семиотически охарактеризованную тему «бабье», с которой в диалектной речи нередко ассоциируется идея природной аномальности (отмечено в названии необычно теплых дней в начале осени *бабье лето*, в названии растений с асимметричной формой типа *бабьи сплетни* ‘вика лесная’, или ‘традесканция’).

Этнический код

Основная линия соотношения грибов в именовании с какой-либо национальностью выстраивается на уподоблении их инородцам, пришлым людям; миконимы «учитывают» культурные традиции того или иного народа, обыгрывают

внешние черты его представителей. Название гриба груздь черный *цыган* (принятое и в науке как дублет – ср. также дублетное название оливково-чёрного груздя *черныш*, *чернушка*) воспроизводит устойчивую народную ассоциацию с названием этого этноса, отличающегося темным цветом кожи. В русской диалектной среде *цыган* ассоциируется с темным цветом (пермск. *как цыган* ‘о смуглом; о грязнуле’). Аналогично гриб *колпак кольчатый* называют *цыганка* (шляпка этого гриба с возрастом меняется постепенно от белой до глинисто-желтой и охряно-бурой). В западных и центральных районах России гриб *колпак кольчатый* называют также *турок* (благодаря шаровидной шляпке светло-кремового цвета, напоминающей турецкий тюрбан, чалму). Еще один этнонимический миконим – название дождевика *цыганская пудра*, которое, возможно, связано с использованием гриба в медицинской практике (многие грибы, и дождевики в том числе, используются в народной медицине – против мозолей, грибка и потливости, против суставных болей, а также в косметологии – как средство против морщин).

Распространенное среди грибников название лисички *еврейский гриб* отражает привычку евреев не пользоваться никакими другими грибами, кроме лисичек (в грибах часто заводятся черви, составляющие «треф» гриба). Сходным образом в пермском названии волнушки *исаковица*, как нам представляется, содержится отсылка к символическому имени *Исаак*, осознаваемого как типично еврейское (ср. распространенное до сих пор нарицательное название еврея *изя*).

Своеобразно используется в Прикамье миконим *китайский гриб* – как недавно появившееся название груздя (Таволожанка Юрл.). *Китайский гриб* (или *черный лесной гриб*) – самостоятельный вид гриба, в естественных условиях встречается только в лесах Китая (растет на мертвой древесине, сходен с вешенкой обыкновенной; считается лечебным). В русской языковой среде эпитет «китайский» либо чаще связан с идеей непонятности (*китайская грамота* – название недоступного для понимания текста, мотивированное восприятием китайской иероглифики), либо синонимичен слову «некачественный» (смысл, закрепившийся за словом лишь в последнее время). Выявленная номинация *китайский гриб*, скорее всего, сложилась стихийно – можно предположить в связи с тем, что на банках с продаваемыми в России китайскими грибами *шитаке* пишется «грузди» (в данном случае поставщиком обозначены не лесные «наземные», а древесные грибы, выращенные в специальных теплицах).

Зоонимический код

Наличие в названиях грибов зоонимов обычно не свидетельствует о дифференциации грибов по признаку предназначенности для людей и для животных (к таким можно отнести лишь отдельные номинации типа *векошник* ‘гриб моховик’ – народ заметил, что его «заготавливает» векша-белка). Как редкие отмечены в говорах аналогии грибов с лошастью (пск. *кобылка* ‘свинушка’), с лосем (гриб *колпак* в Белоруссии и Украине называется *лось* – скорее всего, из-за крупного размера, поскольку его шляпка может достигать 20 сантиметров). Не развернута в диалектных названиях грибов тема *лисы*. Воспринимаемое как образное название гриба *лисичка* возникло от древнерусского прилагательного *лисий* ‘желтый’, т.е. благодаря признаку цвета. *Лисичкой* в Прикамье иногда называется не только широко распространенный полезный гриб, но и гриб ложная лисичка (с низкими вкусовыми качествами, трудно усваиваемый, способный вызвать нарушение пищеварения, отличающийся более ярким красновато-оранжевым, красно-медным цветом).

Наиболее частотные указания на *волчий*, *медвежий*, *заячий*, *собачий* гриб имеют прежде всего мифологические основания и связаны с культурно-символической семантикой русских зоонимов. Как указывает А.Ф.Журавлев, «...объяснение таких названий только лишь объективными биологическими свойствами их предметов недостаточно... за обширностью «волчьей» фитонимии стоит целый комплекс древних индоевропейских мифологических представлений» [Журавлев 2005: 375]. Указание на связь с волком отмечено для многих растений. С помощью определения *волчий* обычно подчеркивается признак несъедобности или сильной ядовитости растения (ср. *волчьи серги* – ‘бересклет бородавчатый’, растение с красивой ажурной кроной и с плодами, содержащими ядовитые алкалоиды; *волчец* ‘осот, а также чертополох’, растение с большим содержанием горечи). Номинации дождевика *волчий гриб*, *волчьи какашки* (Урмы Кунг.), название старого, «пылящего» дождевика *волчий табак* проясняются при анализе взаимозаменяемости компонентов: дождевик может быть назван *заячьи какашки* и *волчьи какашки*, *волчий табак* и *медвежий табак*. Отнесение гриба к диким животным, конечно, выступает здесь как указание на непригодность его для человека. Показательно, однако, очевидное в приведенных вариантах «безразличие» в выборе лесного зверя для названия, что может быть объяснено тем, что и хищные *медведь* и *волк*, и травоядный *заяц* одинаково воспринимались в про-

шлом как знаки не социума, а природного мира, и очень часто как опасные для человека духи природы³. То, что эти номинации отнесены к дождевику, может быть связано с особым народным мистическим его осмыслением. В Прикамье, в частности, бытует запрет смотреть на разлетающиеся споры дождевика – *чтобы не ослепнуть* (Юрич Караг.). В ряде случаев номинация-зооним может получать и самостоятельное прояснение. Так, компонент *медвежий* в названиях гриба дождевика *медвежья баня* (Мазунино Кунг.), *медвежье курево* (Моховляны Лысьв.) развивает общую народную аналогию медведя – хозяина леса (с вполне человеческими атрибутами). Название гриба *медвежий табак* (Ильинск.) носители диалекта связывают с тем, что с его помощью медведи выводят блох (катаясь по поляне, усеянной дождевыми грибами).

Тема «зайца» в названиях миконимов дублирует отмеченные выше сюжеты. Образные названия россыпи гриба дождевика *заячья картошка*, *заячьи какашки* (Урмы Кунг.) имеют уже не собственно метафорическую мотивированность, а развивают традиционное представление о зайце как об одном из духов плодородия. Свидетельством этого можно считать другие народные символические обыгрывания заячьей темы. Так, фразеологизмы *заячий дождь* ‘дождь, идущий при свете солнца; слепой, грибной дождь’, *зайцы баню топят*, *зайцы пиво варят* (киров., пермск.) о ‘дымке над лесом, легком тумане или снежных завихрениях’ содержат названия животного, наделенного в архаическом сознании демонологической силой. Затемненная внутренняя форма отзоонимических миконимов, обращение при их создании к отдаленным ассоциациям делает такие названия близкими к табуическим, применяемым обычно для сакральных реалий.

Несколько иной смысл имеют указания в миконимах на домашних животных. Они содержат более прозрачные метафорические сближения, хотя не лишены и мифологически мотивированных аналогий. Номинация *свинарь* (гриб, похожий на груздь, нейрофиллум булавовидный, в пермских говорах также груздь – солик., юсьв., ильинск., кунг.) содержит аналогию со свиным ухом, которая задана тем, что короткая ножка гриба сильно смещена от центра к одному краю, что придает грибу вид уха. Сходство касается также мясистой охристо-буроватой шляпки – она находится несколько сбоку и висит, как свиное ухо. Миконимы, основанные на аналогии с коровой, содержат указание на белый млечный сок растений, на белизну мякоти (*коровятник*, *коровяк* ‘гриб моховик’ – Калинино Кунг., *коровен-*

ник ‘белый гриб’ – Юрич Караг.). Отметим одновременно, что, по народным поверьям, коровы «любят» белые грибы и что *коровенники* особенно часто растут там, где пасутся коровы. Характеристика *собачий* для гриба, который в данной местности воспринимается как несъедобный или ядовитый, повторяется и в названиях растений: *собачья трава* ‘о траве, которую не едят коровы’ (*Одна собачья трава лесом растёт; ись-то её не едят, а репью на боках приносят много* – Мазунино Кунг.), *собачьи ягоды* ‘о ядовитых, обычно несъедобных лесных ягодах’ (Мазунино Кунг., Сретенское, Дмитриевское Ильинск.). Определение поганого, «собачьего» гриба в этом случае соотносится с известным представлением о «собачьей» природе чёрта (ср. также диалектное *поганка* ‘о неокрещённом ребенке’ – Мазунино Кунг., которое связано со значением ‘нечистый, запрещенный верованием, обычаем’, и т.п. – из старого *поганый* ‘имеющий отношение к язычеству’).

Птичий код

В выборе «птичьих» аналогий при номинации грибов семиотически охарактеризованной следует считать номинацию наиболее ценного белого гриба *глухарь* (сиб., пермск.). Уподобление его крупной лесной птице, скорее всего, изначально мотивировано тем, что, подобно глухарю, он может быть найден в *глухом* бору; соотнесение гриба с птицей затемнено и может расцениваться лишь как проявление бессознательного народнотворчества при оценке удивительных творений природы (напр., соотнесение с птицами в названиях грибов *грачевник* и *совик*).

В других случаях номинации представляют собой «одомашнивание» леса, население его домашней, дворовой птицей. Воронежское *индюшки* для грибов-зонтов и шампиньонов создано по внешней аналогии – имеющиеся на голове птицы кожистые выросты соотносятся с желтоватыми или буроватыми (нередко растрескавшимися) чешуйками. Название *петушки* ‘ложные опята’ (Сол.; ср. владимирское, псковское *петушки* ‘лисички’) «учитывает» реальное сходство волнистых краев гриба с гребнем петуха. Аналогично, кстати, возникает народное название щавеля кислого из семейства гречишных *петух*, *петушатник* – его листья удлиненной и овальной формы напоминают перья.

Широко бытующее у грибников название съедобного гриба колпак кольчатый *курочка* строится на той же аналогии, что и название *петушок* (как и название *петушок*, оно может применяться и к другим грибам – грибу *зеленушка*, или *зеленка*, *грибу-зонтик* семейства шампиньоновых). Нередко оба названия применяются к

одному грибу – еще нераскрывшийся гриб колпак кольчатый называют *петушком*, а зрелый *курочкой* – из-за пестрого окраса шляпки (ср. *петухи* и *курочки* – орл. соцветия шавеля, мужские и женские цветы). *Курочками* называют также рядовку серую (считается, что по вкусу она напоминает куриное мясо, но главное, очевидно, в том, что некоторые разновидности рядовки имеют серовато-чешуйчатую, пеструю шляпку).

Главная опасность кур – ястреб и коршун. Название гриба колпак *ястреб* (имеет часто распростертое плодовое тело) не связано напрямую с символикой хищной птицы, с которой в русском языковом сознании ассоциируется стремительность, агрессивность и беспощадность. Это название возникает по сугубо семиотическим причинам – как необходимое «сюжетное» дополнение к образной интерпретации жизни грибного царства, где соседствуют «антагонисты» – жертвы и хищники.

Отмеченные выше культурные и мифопоэтические коннотации миконимов «учтены» в целом ряде диалектных фразеологизмов. Свидетельством «чудесных» способностей грибов может считаться выражение *расти как грибы* – ‘расти, появляться в изобилии и очень быстро’. Выражение нередко используется с дополнениями – *расти как гриб в лесу* (пск.), *расти как грибы после дождя*. В пермских говорах зафиксированы выражения, где образ большого количества грибов соотносится с изобилием – *развелось, как грибов после дождя* ‘много, в большом количестве’ (Жуланова Сол.), *как дождевиков* ‘об обилии предметов белого цвета’ (Нагибята Караг.). Само по себе выражение *грибной дождь* ‘о теплом, при солнце дожде’ связывает «приход» грибов с благодатной небесной влагой. Примета *коли грибовно, так и хлебно* (если будут дожди – будет урожай хлеба) напрямую подчеркивает символику плодородия грибов, развивает аналогию их со священным хлебом. С этим же ассоциативно связано выражение *губы сеют* ‘идет мелкий теплый дождь’, где грибы уподоблены семенам, а дождь севу (*Сильно дожит, дак гриб червивеет; когда мелкой, лучше, так и говорят про его – губы-де сеют* – Юм Юрл.).

Помимо чисто физических характеристик человека (*мягкий как обабок* ‘о полном, рыхлотелом’, ср. также *обабка* ‘прозвище полной, неуклюжей женщины’ (Сретенское Ильинск.), в говорах немало построенных на соотношении с грибом социальных и психологических оценок. Слово *обабок* ‘прозвище старого холостяка’ (Красноярск.), выражение *старый обабок* ‘о мужчине, который долго не женится’ – соотносят

гриб с репродуктивными способностями человека. Выражение *как кислый обабок* ‘о слабом, вялом человеке’ (Серьгино Сив., Свалова Сол.) подчеркивает утрату жизненных сил, усталость и физическую слабость (то же пск. *размодёт как гриб, раскиснуть как грибина* ‘расслабиться, размякнуть, ослабеть’ [ПОС 8: 26]).

Фразеологический сюжет собирания грибов в говорах устойчиво связан с представлением интеллектуальных способностей и эротических отношений. Выражение *Максимки пошли по грибы* ‘кто-либо несообразителен, неумен’ (*Лико чё, девка, у тебя, видно, Максимки-те по грибы пошли, ты по чё огородец-от открыла?* – Терёхина Караг.) сформировалось на основе устаревшего значения слова *Максимка* ‘голова’ (отсюда выражение *Максимка не работает* ‘голова не соображает’: *У тебя что, Максимка-то не работает?* – Ножовка Част.). Выражение строится по аналогии с идеей «покидания» умом человека, как в выражении *ум на горушку ушел* ‘о глупом человеке’. Ассоциативная связь интеллекта и грибов выражена и в оценочных пермских словах *опёнушек*, вятск. *опёныш*, *опенник*, *опеня* ‘о бестолковом, непонятливом, нерешительном’ (притом, что здесь использовано еще и сближение «маленький – глупый»).

Выражение *грибы собирать* используется в народной речи с эротическим смыслом (ср. в повести Н.Кочина «Нижегородский откос»: «*Урок начинался всегда с натиска на суеверие. Грунька неподдельно пугалась, он обижался, и тогда она произносила робко: «Давай, милый мой, лучше грибы собирать».* – «*Черт знает что!* – выходил он из себя. – *Из тебя человека хотят сделать, а ты грибы собирать».* Когда она складывала букварь, наступал их момент любви»). Отметим, что аналогично в говорах осмысливается тема сбора ягод, о чем свидетельствует эвфемическое *пойти клюкву собирать* ‘о любовных утехах’ (перм.). Осмысление грибов в эросном плане отражено и в новг. *грибов наварить* ‘изменить в любви’ (ср. киевск. *грибного супчика сварить кому-л.* ‘о супружеской измене’), в арх. *рыжики солить* ‘целоваться’ (о принародных поцелуях молодоженов на святочных и других зимних гуляниях). Последнее выражение тесно связано с темой приготовления блюда из рыжиков, получившей в народной фразеологии самостоятельную проработку. Новг. *рыжиков нажарить* ‘изменить’, *рыжики устроить (сделать)* в том же значении развивают тему рыжика как символа измены (вероятно, в связи с известной ассоциацией «рыжий – ненадежный, опасный», дополненной линией «рыжий – огонь – страсть»). В ряде говоров слово *рыжик* даже стабилизируется в значении ‘тот,

кто нарушает верность в любви, дружбе' (арх.), 'тот, кому изменили в любви, дружбе' (пск.; ср. также в новгородской игровой припевке – *Заведите хоровод, дроля рыжика даёт, дроля рыжика даёт, меня на песни не зовёт*).

Мотив приготовления грибной пищи отражен в диалектной идиоме *губники стряпать* 'дуться, сердиться' (*Сядня старик-от у меня с утра губники стряпат, не подойди* – Перебор Бер.). Оборот мотивирован обычаем, связанным с приготовлением грибных пирогов, которые в Прикамье, как и в целом на Русском Севере, часто использовались как поминальное блюдо. Атмосфера подготовки к поминкам, скорбь и сострадание на лицах людей, очевидно, стали основой для проведения подобной аналогии. Прочно укорененный в русской фразеологии мотив поедания грибов (*гриб, гриба съесть*) осмысливается достаточно разнопланово – 'не добиться своего, обмануться в расчетах' (пск.), 'быть недовольным, озадачиться, неожиданно замолчать' (смол.), 'не получить, не добиться ожидаемого, обмануться, потерпеть неудачу' (самар., нижегородск.) [СРНГ 7: 129]. Съеденный гриб здесь (как наделенная особой мистической силой, взятая из природного мира пища) представлен как мифическая причина изменения внутреннего состояния (психологического затруднения). Выражение, как замечено В.Н.Топоровым, может быть рассмотрено как «имеющее глубокие мифопоэтические корни»; им же бранное пожелание *съешь гриб* (часто применяемое в произведениях Ф.М.Достоевского) гипотетически возведено к мифологическому сюжету о превращении богом-громовником в грибы детей [Топоров 1995: 182]. Применение символа *гриб* в таком случае может быть мотивировано уже отмеченной выше имеющей универсальный характер символикой грибов как «персонажей» того света.

Русский диалектный материал содержит многочисленные свидетельства оценки человеком специфики грибов как природных объектов. И восприятие их, и контакты с ними (собирающие, приготовление из них пищи, употребление в пищу) символически ассоциируются нередко со сложными состояниями человека – с «выключением» сознания, с потерей жизненных сил, с возрастом и наличием детородных потенций. Одновременно устойчивы, хотя и менее заметны, ассоциации, свидетельствующие о близости грибов к традиционным символам плодородия. Таким образом, анализ миконимов как самостоятельных образований и в составе средств вторичной (характеристической) номинации позволяет сделать вывод об их достаточно высокой культурно-

символической нагруженности и, следовательно, семиотической отмеченности.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №12-14-59600е «Русская речь островных коми-пермяков Прикамья (от пиджина к севернорусскому диалекту)».

² В статье использован диалектный материал, отраженный в ряде региональных словарей Прикамья: СПГ, СРГЮП и в СРНГ, а также содержится материал, полученный авторами при полевом обследовании русских говоров Прикамья.

³ Об изначальном для индоевропейских народов семантическом «равенстве» понятий *волк* и *медведь* см.: [Гамкрелидзе 1984].

Список литературы с сокращениями

Гамкрелидзе Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: в 2 т. Тбилиси, 1984. Т.1. С.492–499.

Журавлев А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» / отв. ред. С.М.Толстая. М.: Индрик, 2005. 1006 с.

Коваль В.И. Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение. Гомель, 1998. 213 с.

Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.: Наука, 1967. 260 с.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып.8. Л.: ЛГУ, 1990. 184 с.

СПГ – Словарь пермских говоров: в 2 т. Пермь: Кн. мир, 2000–2002.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып.1 / И.А.Подюков (науч. ред.), С.М.Поздеева, Е.Н.Свалова, С.В.Хоробрых, А.В.Черных. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2010. 456 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П.Филина, Ф.П.Сороколетова. М.; Л.: Наука, 1966–2007. Вып.1–41.

Толстая С.М. Магия обмана и чуда в народной культуре // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С.109–115.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. М.: Индрик, 1995. 512 с.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Образ. Символ. (Исследования в области мифопоэтики). М.: Прогресс – Культура, 1995. 624 с.

Топоров В.Н. Семантика мифологических представлений о грибах // *Balkanica*. М., 1979. С. 234–279.

Nadel-Czerwinska M. Семантика грибов в языке фольклора – картина мира и метаэтики народной эстетики // *Respectus philologicus/ Vilnius University*. Vilno, 2002. Nr.2(7). S.162–169.

LINGUOSEMIOTIC ASPECT OF FOLK MYKONIMY DESCRIPTION

Ludmila A. Permyakova

Post-graduate Student of General Linguistics Department
Perm State Pedagogical University

Ivan A. Podyukov

Professor of General Linguistics Department
Perm State Pedagogical University

The article deals with the specificity of figurativeness and motivation of dialect edible fungus names. Relatedness of myconyms to cultural semiotic codes (colour, zoonymic, anthroponymic, ethnic, etc.) is researched. The analysis of estimated different interpretation of mushroom names is given, as well as the reasons for their inclusion into the structure of characteristic linguistic means. Conclusions concerning folk myconyms mythopoetic connotation and their role in expression of symbolic nature image are drawn.

Key words: semiotic group; cultural-mythological connotation; dialect myconym vocabulary; functions of words-myconyms.